

О том, как Ван Юаня отхлестали личные стражи князя Лянь и вышвырнули за ворота резиденции, до Сяо Чжоцина донеслось еще после полудня.

К тому моменту он как раз прибыл в управу храма Дали и, вспомнив сочные, живописные описания Чжаое в дороге, чуть тронул уголки губ улыбкой.

По словам Чжаое, едва Сяо Чжоцин покинул дворец, Шэн Лэй тут же со всех ног помчался в «Обитель Весны».

Не прошло и получаса, как Ван Юань стремглав вылетел из башни, специально стряс с Шэн Лэя пятьдесят лянов серебра и нанял роскошную карету.

Когда он примчался к воротам резиденции князя Лянь, выезд князя как раз возвращался домой.

Величавый и строгий восьмиконный экипаж сопровождала плотная стража в доспехах и с алебардами наперевес, восседающая на сильных, статных скакунах.

Пока простолюдины и торговцы в страхе жались к обочинам, Ван Юань выпрыгнул из своей кареты и вальяжно преградил путь княжескому экипажу.

Стражники остолбенели.

Шел слух, что последним, кто посмел остановить выезд князя Лянь, был цензор времен прошлой династии, пытавшийся помешать князю вновь занять пост регента – его тогда просто затоптали конями телохранители князя прямо на улице Средоточия Изящества.

А этот-то смертник что здесь забыл?

Телохранители, облаченные в латы и обнадеженные мечами, замерли в полной боевой

готовности. Но Ван Юань, окинув их многозначительным взглядом, усмехнулся и таинственно извлек из-за пазухи некий предмет, задрал его высоко над головой.

- Гляньте-ка, что тут у меня! - громогласно объявил он.

Воцарилась зловещая тишина.

Затем из кареты донесся голос князя Лянь:

- Что у него в руках?

Слуга снаружи тут же доложил:

- Ароматический мешочек.

Князь Лянь осведомился вновь:

- Кто там посмел преградить путь?

На сей раз Ван Юань ответил за всех:

- Я, Ван Юань! Сей предмет - вещь не простая, я прибыл...

- Ван Юань?!

Услышав это имя, князь Лянь даже повысил голос.

Ван Юань опешил:

- Ваша Светлость наслышан обо мне?

Неужели он теперь настолько знаменит?

Хе-хе, кто бы мог подумать! Какая-то жалкая «Прощание с Мэн Хажанем у башни Хуанхэ в Гуанлин» - и сам всемогущий регент уже знает его имя! Ли Бо всё-таки чертовски хорош...

Однако князь Лянь в карете холодно усмехнулся:

- Взять его.

Ван Юань растерялся:

– ...Чего?

Изнутри донесся недовольный голос регента:

– Чего стоите? Вяжите его и отправьте к столоначальнику управы Шуньтянь! Пусть разбираются!

Князь только что слышал, как Сяо Чжочин вскользь упомянул об этом в павильоне Глубины Познания – тогда он счел это забавной шуткой, но кто же знал, что едва выедет из дворца, как лично столкнется с этим бродячим мошенником?

Вещь не простая?

Ах ты ж мать твою, этот жулик додумался промышлять обманом прямо у ворот резиденции князя Лянь!

Улица огласилась криками. Покуда стражники скручивали Ван Юаня, тот продолжал оглашать окрестности истошным воплем:

– Батя! Батя, родной!

– Батя?! Да хоть прадедушку призови, не поможет! – разъярился князь Лянь. – В управу Шуньтянь его! Сначала всыпьте двадцать палок, а потом допросите со всей пристрастностью!

– *

– Чему улыбается господин Сяо?

Стоило ему присесть во дворе, как глава храма Дали Лян Куо вышел встречать его лично.

Сяо Чжочин поднял взгляд.

Среди всей этой своры прихвостней князя Лянь Лян Куо был самым молодым. Получить такую власть в столь юные годы и дослужиться до чиновника третьего ранга ему позволили лишь изворотливость вкупе с уникальным положением самого храма Дали.

Среди карательных ведомств Великой Шан именно храм Дали специализировался на

расследовании преступлений чиновников как гражданских, так и военных. Если кто-то из столичных мужей преступал законы Великой Шан или становился объектом доносов и импичмента, дело неизменно передавалось в стены храма Дали для проверки; если же вина подтверждалась, именно здесь выносился окончательный приговор.

Контролировать храм Дали – означало держать в руках острый клинок, занесенный над головами всех чиновников Поднебесной.

И Лян Куо поистине служил лучшим клинком в руках князя Лянь.

Про искоренение неугодных и расправу над чиновниками и говорить нечего – когда князь Лянь затевал очередные чистки при дворе, Лян Куо не ведал ни родственных, ни дружеских связей, проводя всё с безупречной жестокостью.

И среди людей князя именно он первым присягнул бы Ван Юаню в романе.

Там они с Ван Юанем с первого же взгляда прониклись друг к другу искренней симпатией, сошлись во мнениях и стали закадычными друзьями, причем Лян Куо добровольно признал Ван Юаня своим господином.

Всегда корыстный и беспринципный Лян Куо рядом с Ван Юанем словно обретал человеческий облик: он внезапно постигал истинный смысл дружбы и верности.

Он был готов сложить голову за Ван Юаня, а когда тот воссел на драконьем троне, Лян Куо был пожалован титулом первого канцлера Великой Шан.

Только вот теперь...

Ван Юань уже во второй раз загремел в кутузку – его как раз волокли в застенки подручные князя Лянь, и прямо сейчас ему отвешивали палочки.

Похоже, канцлерское кресло господина Лян пока что качалось на ветру с весьма туманными перспективами.

Под любопытным взглядом Лян Куо Сяо Чжоцин лишь легко улыбнулся:

– Ничего особенного. Просто вспомнил одну забавную историю.

– Вот как.

Лян Куо небрежно кивнул, не сводя с Сяо Чжоцина цепкого, но незаметного взгляда.

И всё из-за того старого хрыча Ли Хэюна с его длинным языком! Теперь из-за него в некогда монолитный и непроницаемый храм Дали затесался этот благородный сынок.

Впрочем, особого значения Лян Куо гостю не придал.

У Сяо Чжоцина, конечно, были свои достоинства. Но все эти поэты да музыканты вечно слишком высоко задирают нос: ни хитрой жилки у них за душой, ни склонности плести интриги.

Князь велел приглядывать за Сяо Чжоцином, и если тот окажется человеком сгодным, непременно первым порекомендовать его наверх – мол, для общего дела польза будет.

Рекомендовать?

Да высоких да доходных мест при дворе кот наплакал, и ради какого-то там призрачного «общего дела» двигать кого-то наверх? Он что, головой об стену ударился?

Мысленно пренебрежительно фыркнув, Лян Куо напустил на себя благодушное, приветливое выражение лица и повел Сяо Чжоцина вглубь ведомства.

– Прошу сюда, господин Сяо! Перед вашим прибытием князь изволил дать мне четкие указания. Вы уж не беспокойтесь, дел в храме Дали невпроворот, но вас они никоим образом не коснутся. Будете себе спокойно служить Его Величеству, а обо всем остальном голова пусть не болит!

Они миновали судебный зал. Чиновники за столами, склонившись над кипами бумаг,

выглядели донельзя занятыми.

Лян Куо прошел мимо, лишь небрежно махнув рукой:

– Дел по горло, суета сплошная. Впрочем, всё крутится вокруг тех же дворцовых дрызг – вы и сами прекрасно знаете, господин Сяо, без моих слов понятно.

Сяо Чжоцин кивнул:

– Знаю. Дело о кликах и подковерной грызне среди учеников и приближенных Цзян Лу.

Лян Куо опешил.

И впрямь знает?

Он-то ляпнул это наугад, просто чтобы отделаться.

Относиться к Сяо Чжоцину планировалось как к дорогому гостю, которому позволено лишь протирать штаны, не подпуская при этом ни к каким реальным делам. Со временем Сяо Чжоцин неизбежно зачах бы в изоляции, являясь сюда лишь попить чайку по расписанию, и в конце концов превратился бы в красивую бессловесную мебельную утварь.

Однако сейчас Сяо Чжоцин лишь невозмутимо подтвердил:

– До меня дошли слухи, что сегодня в храм Дали для допроса притащили аж шесть или семь чиновников.

– А... ха-ха-ха, да, именно так.

Улыбка почти сползла с лица Лян Куо.

Людей сгребли только утром, а он уже в курсе?

Похоже, князь Лянь вчера в павильоне Глубины Познания излил перед ним всю душу!

Пытаясь угадать скрытый умысел князя Лянь и лихорадочно соображая, Лян Куо решил выбрать самый безопасный путь:

– Ну, раз уж господин Сяо изволил пожаловать лишь к полудню, всех этих чиновников уже успели препроводить в застенки, да и следователи назначены. Как насчет того, чтобы заняться старыми архивами? За прошлые дни накопилось немало дел, по которым уже вынесены

приговоры. Для начала неплохо бы разобрать их и сдать в архив, чтобы вы могли освоиться с нашими порядками?

-

Сяо Чжочин охотно согласился.

Работа с архивами выглядела солидно, но реальной власти не несла. Ведь речь шла о делах давно закрытых, и даже если в них крылись какие-то неувязки, в чистовиках об этом уже не писали.

Впрочем, подлинно важную работу Лян Куо ему бы всё равно не доверил.

Цзян Лу удалился в отставку и покинул столицу, так что клика князя Лянь принялась за методичную чистку его людей. Еще в прошлом месяце князь открыто заявлял, что «некоторые» чиновники при дворе погрязли в кумовстве и образовании тайных клик, и он намерен искоренить эту заразу, не взирая на лица.

Мемориалы с обвинениями против чиновников различных ведомств полетели в столицу градом, и в последние дни архивы храма Дали завалило делами под завязку, так что все завертелись белками в колесе.

Сяо Чжочин прекрасно понимал: дело грандиозное.

Чистка остатков клики Цзян Лу набирала обороты; используя этот повод для устранения конкурентов и наведения порядка, князь Лянь посеял всеобщую панику при дворе. В ближайшие месяцы в правительстве освободится множество кресел, и каждое сулило реальную, весомую власть.

Внешне это выглядело как передел политической карты, на деле же являлось подарком судьбы для Ван Юаня.

Его будущий верный друг Лян Куо, с которым они пока еще даже не были знакомы, уже расчищал для него дорогу, а образовавшиеся пустоты в табелях о рангах готовились занять члены будущей банды его младших братьев.

Именно поэтому Сяо Чжоцин парой фраз обвел Лян Куо вокруг пальца.

Пусть его не подпустят к допросам – само участие в этом масштабном деле давало ему шанс изменить сюжетную линию.

Ну а те слова, которыми он заморочил голову Лян Куо?

Сяо Чжоцин опустил взгляд на архивные свитки.

Если бы Лян Куо вздумал побежать к князю Лянь за проверкой, он бы никогда не усидел на своем нынешнем месте.

–

На следующий день небо стояло ясное и чистое, а кроны деревьев у двора Изогнутой Террасы лениво раскачивались на легком ветерке.

Сяо Чжоцин молча стоял в зале двора Изогнутой Террасы.

Весь вчерашний день он провел в кресле судьи в храме Дали, разбирая архивные тома. С детства привыкший к вольной жизни, он никогда прежде не вникал в канцелярскую рутину, а потому двигался неуверенно, нащупывая почву вслепую, и провозился так от рассвета до заката.

Но даже при всей этой усталости голова у него так не раскалывалась, как сейчас.

– Где Его Величество? – поинтересовался он.

Старый евнух Ло Хэюй почтительно склонил голову:

– Его Величество изволили отлучиться еще на рассвете. Этот раб посылал людей на поиски, но следов пока не обнаружил.

Просторный зал был пуст и безмолвен; Донцзюнь дремал на золотой жердочке у тронного кресла, спрятав хищный клюв в перья.

Огромный свирепый пес, оставленный Фэн Юаньси, тоже находился здесь – лоснящаяся черная махина при виде Сяо Чжоцина пришла в неопишное волнение и принялась крутиться волчком, натягивая тяжелую цепь и заливисто лая.

– А как же... уроки Его Величества?

Сяо Чжоцин скосил глаза на Ло Хэюя.

Тот прекрасно понял намек и почтительно кивнул:

– Вчера Его Величество не притронулись ни к единой кисти, из чего этот раб заключает, что к учебе они не приступали.

Донельзя закономерный ответ.

Сяо Чжоцин уже слышал в прошлом истории о том, как некий наставник от постоянного нежелания ученика учиться доходил чуть ли не до мигреней, а почтенный, сдержанный старец порой издавал дикие вопли прямо посреди двора.

Теперь в этих рассказах определенно виделся смысл.

Ло Хэюй с улыбкой умиротворяюще произнес:

– Господину Сяо лучше присесть и передохнуть, Его Величество наверняка скоро вернется.

При этом он ловко откинул стул для Сяо Чжоцина, явно совершая этот жест далеко не в первый раз.

Сяо Чжоцин молча отмахнулся и направился к собственному столу.

Высокие своды зала поражали воображение; утренние лучи пробивались сквозь резные решетки окон, и вырезанные на колоннах священные звери казались живыми.

Самым примечательным объектом здесь оставался тот самый золотой столб перед тронном.

В зияющем пазу оскаленного драконья пасти чернело отверстие от стрелы, глубоко вогнавшей древко в дерево и камень; края раскола топорщились, и на них трепетали несколько выбившихся прядей волос.

А на рабочем столе самого Сяо Чжоцина сиротливо покоилась позабытая цитра.

Всё это, судя по всему, осталось здесь со дня аудиенции Ши Сюцзе.

- Ах, простите старика, этот раб оплошал, сейчас же велю убрать.

Ло Хэюй суетливо шагнул вперед, намереваясь забрать инструмент.

- Не нужно.

Сяо Чжоцин подошел ближе и окинул взглядом лежащую перед ним цитру.

Черный лак, узор из изломанных ручейков, округлый корпус. Инструмент показался ему смутно знакомым; прищурившись, Сяо Чжоцин наклонился, разглядывая надпись на узелках колков, и изумленно выдохнул:

- «Весенний гром»?

- У господина Сяо отменный глаз, - улыбнулся Ло Хэюй, глядя на цитру. - Это древняя цитра «Весенний гром», она издавна хранилась в покоях князя Лянь.

«Весенний гром» славился чистым, глубоким и насыщенным звучанием. И как можно было извлечь из столь великолепного инструмента столь отвратительные звуки?

Вспомнив раздававшееся в тот день в зале царпанье по нервам, Сяо Чжоцин опустил пальцы на струны, с легкостью срывая несколько прозрачных чистых носок.

...Неудивительно, что звучало паршиво - струны вовсе были не настроены.

Сяо Чжоцин испытал легкое эстетическое оскорбление. Делать всё равно было нечего, и он, плавно взмахнув пологам одежды, опустился на циновку перед столом.

<http://bllate.org/book/18810/1865680>